

4. РУССКОЕ МОРЕХОДСТВО В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (до 30-х гг. XIII в.)

В истории русского мореходства период феодальной раздробленности характеризуется прежде всего тем, что отныне морские походы не диктуются одним политическим центром, как это имело место в период образования и расцвета Киевского государства, а предпринимаются из разных мест, вразброд, в различных направлениях и с различными целями.

Тем не менее нельзя говорить о прекращении активности русских на море со времен распада Киевского государства. Однако стало традицией и, надо сказать, дурной традицией исторической науки утверждать именно это.

Причем обычно ссылаются на половцев, отрезавших Русь от южных морей Черного, Азовского и Каспийского, на могущественную кочевую стихию Дешт-и-Кыпчак,¹ которая оторвала от Руси Посулье и Поморье, сделав «землей незнамой», и сказочное Лукоморье и древнюю Тмутаракань.

Если и говорили о русском мореходстве той поры, то имели в виду только плавание по Балтийскому и Белому морям, походы удалых молодцев-новгородцев, плавания вольницы ушкуйников, поездки поморов. Считалось само собой разумеющимся прекращение активности русских в южных морях, обусловленное господством в Причерноморских степях половцев, и также не вызывало сомнения утверждение, что единственным выходом Руси на широкие морские просторы явилась узкая полоска побережья Финского залива от Карельского перешейка и до устья Наровы, да пустынные берега неприветливого и холодного Белого моря.

Мы не собираемся отрицать роли Балтийского и Белого морей в русской военно-морской истории и в истории море-

¹ Дешт-и-Кыпчак, т. е. Половецкая степь (половцы-кыпчаки), в Европе тянулась от Днепра до Волги и Урала, от границы лесной полосы со степью и до Крыма и Северного Кавказа.

ходства на Руси вообще, но имеющиеся в нашем распоряжении и отнюдь не неизвестные до сей поры факты дают право утверждать, что русские суда бороздили воды Черного и Каспийского морей и в тот период времени, когда Русская земля представляла собой множество «самостоятельных полугосударств» (И. В. Сталин) — княжеств. Великий водный путь «из варяг в греки», непрерывно функционировавший, несмотря на то, что почти все время летом, у порогов мелькали печенежские всадники, не заглох и позднее, когда половецкая волна залила все Черноморские степи. Так же, как их пращуры в X в., плавали в Царьград в XII в. купцы «гречники», весной плыли по Днепру вниз, а осенью поднимались вверх русские суда, везя в Царьград меха и мед, воск и челядь, а оттуда привозя «паволоки, и золото, и серебро, и овошви разноликие». Только немного по-иному называлась эта древняя прямоезжая дорога, сменившая название «из варяг в греки» на «греческий путь». Конечно, беспокойно бывало на ней не раз, да и половцы были неизмеримо сильнее печенегов. Не всегда, видимо, помогали и такие чрезвычайные меры, которые принимал напр. Мстислав Изяславич, вышедший в 1170 г. навстречу купцам «гречникам».¹

Не раз приходилось князьям посылать воев на помощь купцам. Так, напр. в 1167 г. Ростислав «посла... Володислава Ляха с вой, и възведоша Гречники».²

А прошел год, и целая коалиция князей и земель: «Мстислав из Володимера, Ярослав брат его из Лучьска, Ярополк из Бужьска, Володимир Андреевич, Володимир Мьстиславич, Глеб Гюргевич, Рюрик, Давид, Мьстислав, Глеб Городеньский, Иван Ярославич сын, и Галичская помощь» вышли навстречу купцам, двинулись на юг «и стояша у Канева долго время, дондеже взиде Гречник и Залозник, и оттоле възвратишася вьсвося».³

Второй раз такая коалиция князей стояла у Канева в ожидании «Гречник и Залозник» в 1170 г. Это вполне понятно, — половцы стали «пакостити Гречнику нашему и Залознику». Приходилось выходить им «противу», навстречу, оборонять купеческие караваны.

Конечно, обстановка в степях отнюдь не была благоприятной для Руси, и, несомненно, прав был Мстислав Изяславич, когда говорил князьям: «братье! пожалуйте о Руской земли и своей отчине и дедине... уже у нас и Гречьский путь изь отимают, и Соляный, и Залозный...».⁴ Но все это были пре-

¹ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 368, 369.

² Там же, стр. 360.

³ Там же, стр. 361.

⁴ Там же, стр. 368.

пятствия, помехи, вынуждавшие принимать чрезвычайные меры, вроде совместных походов князей навстречу «гречникам», и не больше. Торг по Днепру и по морю, а следовательно, и плавания «гречников» из Руси в Царьград не прекращались, хотя и были затруднены по сравнению с тем временем, когда у порогов поджидали русские лоды относительно слабые и малочисленные отряды печенегов.

Нас не должно смущать то обстоятельство, что летопись не сохранила нам ярких и красочных описаний походов русских воинов на Царьград, как это имело место в X—XI вв. Молчат о налетах страшных «*рѣс*» на столицу империи источники «*ромеев*». Все это понятно. Прекратились завоевательные походы последних времен «славного варварства», оставившие столь яркий след в русских и византийских источниках.

Развитие феодальных отношений на самой Руси изменило характер русских войн и походов, характер связей с Византией.

Кончился завоевательный период в истории древней Руси. Начинался новый ее этап, характеризующий упорным стремлением к укреплению государственности на самой Руси и развитием феодализма. Князья перестают «искать» и «воевать» «чужюю землю», а принимаются за освоение своей земли и эксплуатацию ее населения. «Строй землею» и «устав землею», а не рати, все более и более приковывают к себе внимание русских князей. Изменяются формы общественной жизни и быта. Варварская Русь перерастала в Русь феодальную, Русь XI в. «Воя» Руси все более и более заслоняла фигура дружинника, княжеского «мужа». Зарождались и быстро развивались новые формы идеологии, свойственные раннему феодальному обществу.

Русь переставала быть варварской державой; она становилась феодальным государством. Эпоха «военной демократии» с ее бесконечными походами и войнами, нападениями и набегами, отходила в прошлое. И боевой клич «воя» — дружинника все чаще и чаще покрывался выкриками княжеского тиуна и данщика, наблюдающих за тем, как трудится на княжеской ниве, на дворе, по «ловищам» и «перевесищам» многочисленная челядь, и собирающих дань с сельского «людья» Русской земли.

Таким образом, изменение в характере русского мореходства на Черном море в XI—XII вв. и позднее, до самого Батыева нашествия, в самом характере связей с Византией, осуществляемых по морю, обусловлено причинами не внешнего порядка, — с ними Русь хоть с трудом, но справлялась, а внутренним общественным развитием самой Руси, развитием и укреплением феодальных отношений.

Не случайно последний поход русских на Константинополь падает на время княжения Ярослава Мудрого и примерно совпадает с периодом интенсивного развития феодальных отношений, нашедших яркое отражение в современной рассматриваемым событиям «Правде Ярославичей».

Изменения в социальном строе и в политической жизни Руси не могли не сказаться на характере ее войн и, в частности, на существо морских походов.

От торговли и войн, войн и торговли к регулярным дипломатическим и торговым связям, не осложняемым военными столкновениями — таков путь развития связей Руси с Византией, являющих собой этап в истории русского мореходства.

И не половцам было положить конец плаванию русских по Черному морю. Силой, способной отбросить Русь от Черного и Азовского морей на целые века, оказалось лишь страшное Батыево нашествие.

В данной главе я и попытаюсь собрать и проанализировать материал, относящийся к русскому мореходству на Черном, Азовском, Каспийском, Балтийском и Белом морях в период феодальной раздробленности. Сделать это не так легко, так как в противоположность периоду блестящих войн и морских походов времен образования и расцвета Киевского государства, нашедших столь полное и яркое отражение в русских, византийских, восточных и западноевропейских письменных памятниках и в устном народном творчестве, период феодальной раздробленности не знает таких выдающихся событий, как походы на Константинополь, заканчивающиеся договорами русских с греками. Все как-то проще, обыденнее, нет запоминающихся событий и имен, так как нет грандиозных походов, да и князья отстранились от непосредственной торговли с Царьградом товарами, добытыми в результате полюдья, дани и военной добычи, а эти-то события и эти люди княжеской крови только и интересуют летописцев. Поэтому летописец лишь попутно говорит о «гречниках», о «Греческом пути» — наследниках и преемниках «слов и гостей» времен Олега и Игоря, великого водного пути «из варяг в греки», и то тогда, когда «пакости» половцев вынуждают князей, биографии и дела которых интересуют его больше всего, взяться за оружие и идти навстречу купцам куда-либо в Канев, наподобие того, как ходил «к порогам» в ожидании невесты, готовый «боронить» ее от печенегов, Владимир Святославич.

Молчат о поездках «рус»-ов в Константинополь и византийские источники, предоставляя и византиноведом и русским историкам самим догадываться, откуда берутся на Руси греческие изделия и товары, мастера и монахи, как попадают в столицу «ромеев» меха и мед, воск и челядь, а с ними вместе

отважные и сильные воины русские, чье искусство и храбрость так высоко ценились в империи.

Но и то немногое, что сообщают русские и зарубежные источники, все же проливает свет на этот темный период истории мореходства в древней Руси.

Мы уже видели, что сношения с Византией и плавание по Черному морю не прекращались в XII в. и осуществлялись все по тому же древнему великому водному пути «из варяг в греки», который теперь носил только иное название — пути «Греческого».

Не забыт был и другой путь по Днепру и Черному морю — в Корсунь и далекую Тмутаракань, путь, шедший вдоль берегов Крыма.

Этим путем, быть может, пришел в свое время (1024 г.) со своей дружиной из Тмутаракани в Киев Мстислав. За такой путь тмутараканского князя говорит то обстоятельство, что он вначале «приде... Киеву» и только тогда, когда «не приняша его Кыяне», «он... шед седе на столе Чернигове».¹

Конечно, можно было и идя степью прийти сперва в Киев, а потом в Чернигов, но, плывя морем и Днепром, уж наверняка вначале попадали в Киев, а затем уже, по Десне, в Чернигов. Выдвигая такое предположение, я исхожу еще и из других материалов и аналогий, утверждающих именно такой путь сношений Тмутаракани с Киевом и обратно, о которых речь будет дальше.

Наличие среди дружинников Мстислава хазар и касогов, жителей степей и предгорий, еще совсем не обязательно указывает на степные дороги, приведшие Мстислава в Киев, а затем и в Чернигов. Ведь в походе русских в 943 г. на Бердаа в Закавказье, как мы уже указывали ранее, участвовали аланы и лезги не в меньшей, а в большей степени, чем хазары и касоги, связанные со степью и, особенно, с горами.

В 1059 г. (по А. А. Шахматову) прибыл на «остров Тмутараканий» инок Печерского монастыря Никон и на «месте чистом», близ самого «града» построил церковь богородицы и основал монастырь.²

Путь свой Никон проделал по морю, плывя вдоль берегов Крыма. Это подтверждается тем, что когда в Тмутаракани умер Ростислав, «князю острова того», «люди» Тмутараканские упростили Никона поехать к Святославу. Никон отпра-

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 143, 144.

² Патерик Киевского Печерского монастыря, 1911, стр. 26.—А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 435.—М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 175.

вился к Святославу в Чернигов. По пути он имел свидание с Феодосием в Печерском монастыре в Киеве.¹ Все это говорит о том, что Никон отправился из Тмутаракани морем, плыл вдоль берегов Крыма, мимо Корсуня, где незадолго до этого был убит корсунянами греческий котопан, отравивший тмутараканского князя Ростислава, поднимался вверх по течению Днепра до Киева.

И в третий раз, вместе с Глебом Никон плывет в Тмутаракань. Не случайно Глеб интересовался морем, и «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил м[оре] по леду от Тмутараканя до Кърчева 10 000 и 400 саже[н]», как гласит надпись на знаменитом Тмутараканском камне.

Путь с Днепра морем в Тмутаракань был путем довольно оживленным. Не случайно в Крыму русские купцы живут в XIII в., не случайно в XI в., как некогда во времена Владимира Святославича, в Корсуне немало сторонников Руси, а может быть, и просто русских людей, отомстивших котопану за отравление тмутараканского князя. Не был ли стоянкой русских купцов-мореходов, «крайним южным форпостом древней Руси» Коктебель, где в 1931 г. Барсамов обнаружил славянскую керамику, клейма на кирпичах, совпадающие со смоленскими, фундамент церкви, имеющий аналогии во Пскове?²

Как бы отмечая собой морской путь из Киева в Тмутаракань, тянутся вдоль него находки вислых свинцовых печатей с надписью «от Ратибора» (трехстрочная надпись: «от/рати/боро»), который был одно время посадником в Тмутаракани. Одна такая печать Ратибора найдена в Киеве, одна в Севастополе, одна под Керчью и две на Тамани.³

Известны находки на Тамани камня-балласта той породы, которая встречается только под Киевом. Связь Тмутаракани с Киевом по морю не прекращалась в течение всего XI, а быть может, и XII вв.

¹ Патерик Киевского Печерского монастыря, 1911, стр. 156.

² А. В. Арциховский. Введение в археологию, стр. 188. — Н. С. Барсамов. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929—1931. Феодосия, 1932. — И. И. Ляпушкин высказался отрицательно по вопросу о русском культурном элементе в Коктебеле. См. ст. Славяно-русские поселения IX—XII ст. по Дону и Тамани. Материалы и исследования по археологии СССР, 1941, т. VI, стр. 226—230. Ему возражал А. П. Смирнов. Древнеславянские памятники нижнего и среднего Поволжья. «Советская этнография», № 2, 1948.

³ Люценко. О древней вислой свинцовой печати с надписью «От Ратибора», найденной в 1872 г. около г. Еникале, что в Керченском градоначальстве. Труды III археологического съезда, т. II; Его же. Заметка из Керчи, Древности, Труды Московского Археологического общества, т. III, вып. II. — Н. И. Репников. О древностях Тмутаракани. Труды секции археологии РАНИОН, 1928, т. IV. — И. И. Толстой. Древнейшие монеты великого княжества Киевского; Его же. Русские древности, вып. IV, стр. 72.

Тмутаракань-Матарха играла очень большую роль в торговле в течение всего XII в.

Арабский географ Идриси (Эдризид) около 1154 г. писал: «Матарха — весьма древний город, а имя его основателя неизвестно. Матарха окружена возделанными полями и виноградниками, цари ее весьма отважны, мужественны, предприимчивы и весьма грозны соседним народам. Город этот густо населен и весьма цветущ; в нем бывают ярмарки, на которые стекается народ из всех близких и дальних краев».¹

Матарха упоминается в договоре императора Мануила с генуэзцами в 1169 г., как самостоятельный город. Где-то недалеко от нее (по Идриси в 20 или 27 милях) лежит Russia (Идриси) или Ρωσσια (Мануил), — тоже прибрежный город-порт. Мы не можем с уверенностью сказать, какой город Идриси называл «русским», но полагаю, что достаточно убедительны доводы Ф. Бруна и Ю. Кулаковского, считавших «Russia» — «Ρωσσια» вторым названием Керчи. Ф. Брун аргументировал это свое утверждение тем, что от Матархи-Тмутаракани до Керчи примерно 20 с лишним миль, что как раз соответствует указанию Идриси.

«Устьем русский реки», у которого стоял этот город, он считает Керченский пролив. Ю. Кулаковский обратил внимание на наименование на известной печати Феофании Музалон, жены Олега Святославича, «архонтессой Руси». В состав Тмутараканского княжества Олега входили и Тмутаракань и Керчь, обладание которой, носившей второе название — «Ρωσσια», и дало повод Феофании Музалон считать себя «архонтессой Руси».²

Не были забыты и берега Азовского моря, древнее Лукоморье. «Русские села» встретились на пути Вильгельма де Рубрука на Дону, старинные генуэзские карты помещают русские порты у Калмиуса.

Все это говорит за то, что русские продолжали плавать по Азовскому и Черному морям, направляясь в Царьград и Корсунь, в Тмутаракань и Керчь. Недаром в самом начале XII в. Даниил, «Русьския земли игумен», побывал и в Иерусалиме, и на острове Родосе, где незадолго до него жил «Олег (Святославич. — В. М.) князь русский 2 лета и 2 зиме».³

¹ А. Я. Гаркави. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе. Труды Казанского археологического съезда, Казань, 1884—91, т. II, стр. 244.

² Ф. Брун. Черноморье. 1879, т. I, стр. 121, 122, т. II, стр. 305. — Ю. Кулаковский. К истории Боспора (Керчи) в XI—XII вв., Киевская старина, 1899, т. 67, стр. 132, 133.

³ Житие и хождение Даниила, Русьския земли Игумена. «Православный Палестинский сборник», 3 и 9-й вып., 1885, стр. 8, 9.

Понадобилось Батыево нашествие для того, чтобы надолго разорвать эти связи и отрезать Русь от Черноморья.

Если еще во второй половине XI и в XII в. была очень активной деятельность русских в северо-восточной части Причерноморья и русские князья не могли примириться с тем, что и Посулье и Поморье стали «землей незнаемой», и воины Игоря Святославича Новгород-Северского шли далеко в глубь половецких степей, до роковой Кааылы, для того чтобы «поискать града Тмутараканя» и «испити шеломом Дону», то и на другом берегу, в северо-западной части Причерноморья, воды Дуная и Черного моря бороздили русские лоды.

В XI—XIII вв. и даже позднее в Придунайской области Черноморья сохраняется русское население, в значительной своей части потомки уличей и тиверцев, остатки древних антов.

В 1043 г. Владимир Ярославич с Вышатай беспрепятственно доходит до Дуная, проходя, очевидно, по русским землям.¹ По свидетельству Константина Багрянородного, Дичин был стоянкой русских купцов, направлявшихся в Византию.² Анна Комнен сообщает о самостоятельных князьях, правивших на нижнем Дунае. В их числе она называет некоего Всеслава, правившего в Вичине. Здесь недавно поселилось пришедшее из-за Дуная земледельческое «скифское племя», князем которого и был Всеслав. Есть все основания согласиться с Васильевским и Кулаковским, по мнению которых это «скифское племя» было русским, таким же, как и население, принявшее переселенцев-русских.³ Надо полагать, что и сам Всеслав был русским.

Мы не будем заниматься русскими на Дунае, так как это не входит сейчас в нашу задачу, да и сделано было нами в свое время.⁴ Нас интересует лишь та часть этой проблемы, которая связана с мореходством.

Еще в начале XII в. на Дунае действуют русские. В 1116 г. Мономах посылает на Дунай Ивана Войтишича, который сажает в Подунайских городах княжеских посадников. Для этого Мономаху не пришлось прибегать к военным действиям. Русские сидели тогда к востоку от Дристры. Это видно из того, что в 1116 г. Вячеслав и Фома Ратиборович не смогли

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 250.

² Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, 1934, вып. 91, стр. 10.

³ Ю. Кулаковский. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриарха. «Византийский временник», 1897, т. IV, вып. 3—4, стр. 322. — В. Г. Васильевский. Византия и печенеги. ЖМНП, 1872, XII, стр. 305.

⁴ В. В. Мавродин. Русские на Дунае. Ученые записки ЛГУ, серия гуманитарных наук, № 87, 1943.

назначить посадника в Дристру, так как это был византийский город.¹ Во второй половине XII в. русские княжества все еще удерживаются на Дунае. В 1162 г. Византия дает Васильку и Мстиславу Юрьевичам четыре города и волость на Дунае.² В XII в. вся Подолия, Галиция, Буковина, Молдавия, Бессарабия входят в состав Галицкого княжества, древней Червоной Руси. Галицкий Ярослав Осмомысл в представлении автора «Слова о полку Игореве» «затворил ворота Дуная», один «рядит до самого Дуная». Здесь, на берегах Дуная, поют русские девицы и «любят голоса их через море до Киева». Здесь, на Дунае, в «городах Подунайских», разворачивается бурная деятельность Ивана Ростиславича Берладника. Тут лежат города Берладь (совр. Бирлат), Малый Галич (Галац) и Текучий, упоминаемые в знаменитой грамоте Ивана Берладника.³

Наличие не отдельных русских жителей, а целых русских поселений и городов по Днестру и Дунаю подтверждается еще и другими данными.

В Воскресенской летописи мы находим список русских городов по Днестру и Дунаю.

«А от имена градом всем русским дальним и ближним. На Дунае Видицов, о седми стен каменных, Мдин, об ону страну Дуная Трьнов, ту лежит святая Пятница, а по Дунаю Дрествин, Дичин, Килиа, на устье Дуная Новое село, Аколятра, на море Карна, Каварна. А на сей стране Дуная: на усть Днестра над морем Белгород, Черн, Аский Торг, на Пруте реце Романов Торг, на Молдаве Немечь, в горах Корочюнов Камень, Соचाва, Серет, Бая, Нечюн, Коломыя, Городок на Черемоше, на Днестре Хотен».⁴

Несомненно во времена составления списка некоторые упомянутые в нем города уже не были русскими и попали в список только потому, что некогда, чуть ли не во времена Святослава Игоревича, они были подчинены русскому князю. Но сведения Воскресенской летописи о русских городах по Дунаю в известной части подтверждаются греческим источником. В собрании документов, изданных Миклошичем и Миллером («Acta Patriar. Constant.»), есть список (№ 52) городов по Дунаю, не принадлежащих болгарам, но и не византийских. Документ датируется началом XIV в. Среди этих неболгар-

¹ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 204.

² Там же, стр. 357.

³ Н. П. Дашкевич. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. Сб. статей, посвященных Владимирскому-Буданову, Киев, 1904. — В. В. Мавродин. О народных движениях в Галицко-Волинском княжестве в XII—XIII вв. Ученые записки ЛГУ, т. XLVIII, вып. 5.

⁴ ПРСА, т. VII, стр. 240.

ских городов Дуная значатся: Карна, Каварна, Килия, Аколэтра и Дрествин.¹

Пять неболгарских городов в русском и греческом источниках совпадают, и это дает возможность утверждать, что еще в начале XIV в. они были действительно русскими.

Среди упоминаемых в Воскресенской летописи городов немало приморских: Дичин, Килия, Карна, Каварна, Белгород и др. Города эти торговые, многолюдные и бойкие. Русские письмена сохраняют здесь памятники даже XV—XVI вв., о русских говорят папские инструкции XVI в. По-старому генуэзские карты именуют Черное море «Русским морем». Торги и плавание русских по Черному морю не прекращались здесь вплоть до полной ассимиляции русских (XVII в.).²

В XI—XII вв. русское население нижнего Дуная было еще многочисленным и связанным с остальной Русью и — прежде всего — Галицкой, хотя связи эти не были прочными. Дашкевич предполагает, что низовья Дуная и Днестра носили название «Берладь», а следовательно, их русское население называлось берладниками. Сам же город Берладь был лишь главным центром берладской земли. «Идти в Берладь» на языке летописца древней Руси означало примерно то же, что на языке позднейшего казачества означало идти на Дон или в Сечь.

Ипатьевская летопись в своем тексте сохранила ряд выражений современников, свидетельствующих о том, чем была в представлении людей XII в. далекая Берладь, Подунавье. В 1194 г. «сдумаша лепшийи мужи в Черных клобуках» и явились к Ростиславу Рюриковичу с жалобой на постоянные нападения половцев. Черные клобуки говорили князю, что он не обращает на них внимания, пренебрежительно относится к их интересам, забыл о них. «А не ведаем Подунайци ли есм, что ли», укоряли они князя.³

Очевидно, в те времена считалось совершенно естественным и понятным не заботиться о «подунайцах», так как этот край жил какой-то своей, особой, независимой жизнью, и обычная княжеская власть в определенных государственных формах ему была неведома. Следовательно, и князья не интересовались Подунавьем, да и, попросту говоря, не могли наложить на воинственных и вольнолюбивых берладников — «подунайцев» свою тяжкую длань.

¹ Ю. Кулаковский. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата. «Византийский временник», 1897, т. IV, вып. 3—4, стр. 335.

² В. В. Мавродин. Русские на Дунае. Ученые записки ЛГУ, серия гуманитарных наук, № 87, 1943, стр. 12.

³ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 451.

И объяснялось это не столько отдаленностью Подунавья (Белоозеро было еще дальше от Киева), сколько характером подунайской вольницы, которая могла приглашать князей, но терпеть власть князя не была намерена.

Земли «Подунайцев», загадочная Берладь входили в состав Руси, но примерно так же, как входили в состав Московского государства Тихий Дон или в состав Речи Посполитой Запорожская Сечь. Конечно, их отдаляют века, они не идентичны, но черты сходства, несомненно, бросаются в глаза.

В 1174 г. Андрей Боголюбский советует Святославу Всеволодовичу сказать Рюрику Ростиславичу: «пойди в Смоленск к брату во свою отчину; а Давыдову рци: а ты пойди в Берладь, а в Руськой земли не велю ти быти».¹

Из контекста видно, что Берладь не была Русью, «Руськой землей»; и предложить отправиться в Берладь означало примерно то же самое, что для новгородца времен ушкуйников отправиться в далекую Югру, для московского боярина очутиться в Пустозерске, для Дмитра Вишневецкого оказаться за порогами Днестра, в Сечи, т. е. означало предложение идти на все четыре стороны искать счастья по свету.

«Берладь» в представлении Андрея Боголюбского и его современников, князей и летописцев, — земля далекая, на которую не распространяется ни княжеская власть, ни созданные ею на Руси политические порядки.

Такова была Берладь, таковы были «подунайцы», берладники. Берладники представляли собой смешанное по этническому своему составу, но в основе своей русское, население, занимавшееся в низовьях Дуная и Днестра земледелием, охотой, рыбной ловлей, промыслами, часто выходившее на своих челнах для торговли и набегов в море. Здесь ловили рыбу «рыболовы галичские» и жили «галичские выгонцы». Берладники были хозяевами «Подунайских городов», весьма слабо ощущавшими власть галицкого князя. Полуоседлые земледельцы и промысловики, постоянно готовые к нападению и отпору врага — половцев, болгар, волохов и византийцев — и поэтому опытные воины, берладники были своеобразной «вольницей», населявшей и охранявшей юго-западные окраины Червоной Руси. Во время восстания Ивана Ростиславича Берладника к шеститысячному отряду берладников присоединяются горожане Кучелмина и смерды Ушицы, что подчеркивает близость берладников к народным массам Галицкой земли.

Для нас представляют огромный интерес плаванья берладников по Черному морю. У впадения Днестра в Черное море лежал город Олешье (Алешки, ныне Цюрупинск). Это был

¹ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 389, 390.

русский порт, предназначенный для торговли, в частности, для торгова с Царьградом, последний пункт на пути купцов — «гречников», начало или, если угодно, конец Греческого пути, место, где издавна обитали русские рыбаки.

Здесь, «во Олешьи», в 1084 г. князь Давид «зая грекы... и зая в них все именье», в 1153 г. сюда, «до Олешья», доходил с берендеями «притиву мачесе» Мстислав Изяславич, как некогда «к порогам» ходил «противу» Анны Владимир Свято-славич.

В 1164 г. из Олешья приехал ездивший «к цареви» Гюрята Семкович. Лодьи из Олешья, везшие рыбу и вино, дали возможность Даниилу в 1213 г. прибыть на Днестр.¹

Олешье, как важный торговый пункт, было хорошо известно и за пределами Руси. Знали его в Царьграде, где жили греческие купцы, ездившие в Олешье, как это было, напр. в 1084 г.; знали его и в генуэзских колониях и в самой Генуе. На некоторых итальянских картах XIV в. Днепр носит название «реки Олешья» (Ellexe, l'ellexe, Elese, Illicis).² Все это говорит о значении Олешья в торговых связях Руси, о его роли в русском мореходстве на Черноморье в XI—XII вв. Где-то здесь же, на нижнем течении Днепра, лежал упоминаемый Идриси город Molsa.

Здесь-то, в Дунайских гирлах и Днепровских плавнях, от Берладии до Олешья, по Черноморскому побережью развевается эпопея морских походов «подунайцев».

В 1159 г. Иван Ростиславич Берладник «ста в городах Подунайских и изби две кубаре (корабли, от греческого *κορβαριο*. — В. М.) и взя товара много в нею, и пакостяше рыболовом Галичьским».³

Речь идет о кораблях галицких купцов, подвергшихся нападению со стороны его воинов-половцев и берладской вольницы. Пред нами два типа судов — лодьи галицких рыбаков, которым Иван Ростиславич «творил пакости», и корабли (кубары) галицких купцов, которые он захватывает вместе с товарами. Для того, чтобы брать кубары и «пакостить» рыболовам, надо было самим действовать на судах. И берладники, действительно, были искусными мореходами.

В скором времени подунайская вольница стала еще более активной на море.

В восстании 1159, восстании горожан, смердов и берладников, связанном с именем и деятельностью Ивана Ростиславича Берладника, шеститысячный отряд берладников составлял вместе с половцами основную военную силу Берладника. Повидимому,

¹ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 144, 320, 357, 491.

² М. С. Грушевский. Исторія України-Руси. 1905, т. II, стр. 517.

³ Летопись по Ипатскому списку, 1878, стр. 341.

во время этого восстания «вольница» берладников на своих лодях выходит в море и захватывает Олешье. Лишь в 1160 г. берладники были изгнаны из Олешья, и то только после того, как против них был брошен спустившийся в «насадах» вниз по течению Днепра вплоть до Олешья многочисленный отряд киевских воевод Юрия Нестеровича и Якуна.

Юрий (Гюрги) Нестерович и Якун разбили берладников, преследовали их по морю до Дичина (Ддиня), где «избиша е и полон взяша». ¹ Этот налет берладников на Олешье очень напоминает черноморские походы казаков.

Путь по рекам Подунавья в Черное море, а оттуда на Днепр не был забыт и позднее, в XIII в. И на сцену выступает все та же подунайская вольница, «подунайцы», галицкие «выгонцы».

В 1223 г., когда княжеские рати двигались на юго-восток, к роковой Калке навстречу Джэбе и Субэде, «выгонци Галичкыя» спустились по Дунаю или Днестру, вышли в море, морем дошли до Днепра и поднялись по Днепру вплоть до порогов, где соединились с шедшими сухопутьем княжескими дружинами. Здесь, «у реки Хорѣтице на броду у протолчи», стала рать «выгонцев Галичкых».

Сила эта была немалая — галицкие «выгонцы» подошли к Хортеце на тысяче лодий. Во главе «выгонцев» стояли Юрий Домамирич и Держикрай Володиславич. Появление рати «галицких выгонцев» было неожиданностью для князей. Следовательно, это была вольница, рать «подунайцев», по своей инициативе двинувшаяся навстречу княжеским дружинам земли Русской для боя с татарами. Не были воеводами галицкого князя Юрий Домамирич и Держикрай Володиславич. Может быть, они сами были «выгонцами», а может быть и боярами, изгнанными из Галицкой земли Мстиславом Удалым и Даниилом Романовичем во время феодальных войн князей с боярами, войн, которыми так богата история Червоной Руси, и поэтому выступавшими под названием «выгонцев», — трудно сказать. Весьма возможно, что Юрий Домамирич и Держикрай Володиславич, как и некогда Иван Ростиславич, выступивший во главе движения берладников и вошедший в историю с прозвищем Берладник, лишь возглавили поход «подунайцев». Однако несомненно — они не были княжескими воеводами. Галицкие «выгонцы», повидимому, первыми столкнулись с татарами, «въидоша в море» с Подунавья и Приднестровья (в летописи ошибочно, «придоша по Днепру» вместо «Днестру»), и, подымаясь вверх по течению Днепра у порогов, галицкие «выгонцы» шли и правым и левым берегом Днепра. Их видели татары. Многочисленные русские лодьи, повидимому, заинтересовали и встревожили татар. До сих

¹ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 341, 346.

пор они видели лишь пешее и конное войнство, сражавшееся на суше. «Лодей тысяща» были для них неожиданностью. Вот почему к «протолчи» (отсюда начали «проталкиваться»), где на мелководье сосредоточился русский флот, они выслали разведку («пришли суть видеть олядий Руских»).

Для Даниила Романовича и других русских князей это были «невиданная рати». Князья спорили о боевых качествах татар. Кто говорил, что татары — опытные стрелки из лука (это действительно так и было), другие же утверждали, что они — плохие воины, «пуще и Половецъ». Но галицкие «выгонцы» уже имели столкновение с татарами. Где оно произошло, каковы были последствия его для обеих сторон — неизвестно, но слова Юрия Домамирича, утверждавшего, что татары «ратницы суть и добрая вои», были, несомненно, обусловлены тем, что ему уже пришлось иметь дело с воинами Джэбе и Субэде.¹

Судя по количеству лодий (1000), в походе участвовало не менее 35—40 тыс. человек, а это свидетельствует о многочисленности русских «подунайцев», для которых не была безразличной участь земли Русской. Для нас также чрезвычайно важным является то обстоятельство, что свой грандиозный поход галицкие «выгонцы» предприняли морем, а это говорит о том, что, во-первых, морской путь Дунай — Днепр не только не был забыт в XIII в., но попрежнему был оживленной артерией, и, во-вторых, что «подунайцы» предпочитали лодью коню, т. е. о их мореходных традициях.

Не был забыт на Руси и торговый путь через Черное море. Правда, в начале XIII в. морская торговля и, прежде всего, хлебом, из Руси через Крым в Малую Азию оказалась в руках турок-сельджуков, но ненадолго. Ибн-ал-Асир под 1205 г. повествует, что при Хосрове-шахе «прекратилась... дорога из стран Рима, Руси и кипчаков, как сухопутная, так и морская».²

Затем торговля возобновилась и шла уже через Синоп, находившийся с 1214 г. в руках турок-сельджуков.³ Нашествие Джэбе и Субэде снова прервало торговлю русских по Черному морю. И на этот раз надолго.

По свидетельству Ибн-ал-Асира, после битвы на Калке в 1223 г. «собрались многие из знатнейших купцов и богачей русских, унося с собой то, что у них было ценного, и двинулись

¹ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 496. — Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого. «Исторические записки», т. 12, 1941, стр. 244—245. — В. Т. Пашуто. Киевская летопись 1238 г. «Исторические записки», т. 26, 1948, стр. 281—282 и др.

² В. Тизенгаузен. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, т. I, стр. 28.

³ А. Ю. Якубовский. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазиатских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. «Византийский вестник», т. XXV, 1927, стр. 66.

в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться через море в страны мусульманские». ¹

Правда, и после битвы на Калке, и даже после Батыева нашествия, разорения Руси и установления татарского ига русские продолжали обитать в Крыму, о чем свидетельствует Ибн-Абд-аз-Захыр и Вильгельм де-Рубрук, а «цареградские» купцы со своими товарами проходили даже по разоренному и опустошенному Посемью, где стояли слободы Ахмата, ² но это были уже только последние остатки былых связей Руси с северным и южным берегами Черного моря.

Татарская кочевая стихия отрезала Русь от Черного моря, и потребовалось много времени и сил для того, чтобы Россия вырвала из рук «кочующих и разбойничающих татар» устья Дона, Днепра, Буга и Керченский пролив ³ и распространила на эти земли свое «цивилизующее начало». ⁴

Около 1175 г. русские на 72 судах совершают поход по Каспийскому морю, нападают на Ширван и вторгаются во владения Ширван-шаха Ахситана. Русские на короткое время занимают Шемаху, а затем удаляются из Ширвана. ⁵

Кем был предпринят этот поход — неизвестно, может быть, следует согласиться с А. Куником, который в своих примечаниях к сочинению Б. Дорна полагает, что поход на Ширван совершили бродники, русская вольница степной, юго-восточной и юго-западной окраины Руси или, вернее, русская вольница земель, прилегающих к Руси с юго-востока и юго-запада. ⁶

Интересно отметить тот факт, что мореходные традиции на юге Руси, вплоть до того времени, когда Русь погрязла в «кровавом болоте монгольского рабства» (К. Маркс), дольше всего держались у русской вольницы — берладников, галицких «выгонцев» и им подобных. Последними морскими походами (я не считаю плавания русских купцов по Черному и Каспийскому морям) перед тем, как татары надолго отрезали Русь «от устьев ее рек и морских побережий» (К. Маркс), были походы именно русской вольницы.

Возобновилось же русское мореходство (опять-таки, если не считать отдельные поездки вроде плаваний за море гостей — сурожан, путешествия Афанасия Никитина, митрополита Пимена

¹ В. Тизенгаузен, ук. соч., стр. 27.

² Там же, стр. 63. — А. И. Маленин. Вильгельм де-Рубрук «Путешествие в восточные страны», 1911, стр. 67, 68, 83. — ПСРЛ, т. X, Никоновская летопись, стр. 162—165.

³ К. Маркс. Secret diplomatic history of the eighteenth century, 1899, гл. VI, стр. 87.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, 1932, стр. 53.

⁵ Б. Дорн, ук. соч., стр. 20, 388—390, 529, 530. — Е. Аренс, ук. соч., «Морской сборник», № 1, 1919, стр. 34.

⁶ Б. Дорн, ук. соч., стр. 390.

и т. п.) на Черном, Азовском и Каспийском морях лишь со времен казацких походов, походов запорожских, донских, волжских, яицких и прочих казаков в XVI и, особенно, в XVII в., т. е. все той же русской (в широком смысле этого слова) вольницы.

А это говорит о народности морского искусства у русских, о народных корнях русского мореходства. Не случайно, говоря о стремлении Петра к завоеванию выходов к морю и превращению России в морскую державу, К. Маркс указывал, что оно целиком соответствует «природным способностям и стремлениям великой русской расы».¹

К этой характеристике К. Маркса вряд ли можно что-либо добавить.

На этом мы заканчиваем за исчерпанием материала рассмотрение русского мореходства на Черном, Азовском и Каспийском морях в период феодальной раздробленности до татарского нашествия и обращаемся к русскому мореходству той же поры на севере и северо-западе.

Здесь, на севере и северо-западе Руси, начинателем и хранителем мореходных традиций являлся Господин Великий Новгород. С незапамятных времен Новгород был «окном в Европу» для русских земель. В IX в. новгородские «люди» положили начало северной части великого водного пути «из варяг в греки» и в том же IX в. прошли его полностью, соединив Ладогу с Киевом и устьем Днепра. Новгородские мореходы связали Балтийское море, «море Варяжское», «Бахр-эль-Варанг» мусульманских писателей с Черным морем, «Русским морем» арабских, персидских и итальянских источников. По северным речным дорогам удалые новгородские молодцы пробирались до «Дышючего моря», «Студеного моря», как называли тогда Ледовитый океан.

Северная Двина привела их в Европейскую часть Ледовитого океана, а текущая далеко за Камнем (Уралом) Обь вывела в Азиатскую его часть. Новгородские ушкуйники были предтечами мужественных мореходов Севера, русских поморов XV—XVII вв., смело бороздивших на своих судах воды неприветливых Белого и Баренцова морей, плававших на Колгуев и Новую Землю, Терский берег и Печенгу, Грумант (Шпицберген) и за Норд-кап, к берегам Финмаркена, за Варангер-Фиорд, тех славных и храбрых русских мореходов, которые показывали путь и помогали Ченслеру и Баренцу.

Новгородские мореходы то с товаром как купцы, то с мечом как воины плавали в Линданиссе в Чудской земле и в Сигтуну, в Або и Висби, в Данию и Любек.

¹ К. Маркс, ук. соч., гл. VI, стр. 87.

Расцвет морского искусства Новгорода был вызван не только перенесением центра тяжести русского мореходства с южных морей на северные, что было обусловлено отрывом Руси от них во времена татарского ига, но также и тем, что Новгород избежал участи многих русских городов и земель востока и юга. Татары до Новгорода не дошли и не разорили его, удовлетвовавшись по необходимости тем, что «взяли число» и стали собирать дань. Поэтому Новгород имел возможность попрежнему развивать свою торговлю.

Но нас в данном случае интересует не этот период в истории мореходства Господина Великого Новгорода, последовавший за Батыевым нашествием, который представляет, конечно, большой интерес, но должен быть предметом особого исследования, а период, предшествовавший установлению на Руси татарского ига.

К этому вопросу мы и перейдем.

Середина XII в. характеризуется быстрым развитием торговли на Балтике. Это было то время, когда Новгород завязывает быстро растущие торговые сношения с Любеком, в Новгороде возник двор немецких купцов и между новгородским и немецким купечеством установились определенные формы торговых сношений. Вторая половина XII в. была периодом развития и расцвета торговли Новгорода с Готландом, куда заходили все корабли, шедшие из Новгорода и восточно-балтийских гаваней на запад. Возрастали торговые связи Новгорода и со шведской столицей Сигтуной.

В отличие от XIII и XIV вв., когда новгородцы совершали почти все свои торговые сделки с заморскими купцами на месте, в Новгороде, и сама торговля по морю совершалась на иноземных судах, в XII в. новгородцы широко участвовали в заморской торговле, а корабли их встречались повсюду на морских путях Балтики так же часто, как и готландские, шведские, немецкие.

Как это мы увидим далее, новгородские летописи сохранили нам упоминание о пребывании новгородцев в Дании (1130 и 1134 гг.) и на острове Готланде (1130, 1188 гг.). О тесных связях и регулярных сообщениях Новгорода с Готландом и Сигтуной говорит наличие в них русского населения. В главном городе Готланде Висби стояла русская церковь (по некоторым данным — святого Николая, «покровителя всех плавающих и путешествующих»).

В городе Гарда на Готланде на стенах церкви обнаружена фресковая живопись, выполненная русскими мастерами, что свидетельствует о наличии здесь русской церкви и, следовательно, русской колонии. Каменная русская церковь святого Николая и русская колония были и в Сигтуне.

Обилие в Сигтуне находок славянской керамики с волнисто-линейным орнаментом, которую несомненно привозили русские не для торговли, а для пользования, говорит о многочисленности русского населения в шведской столице. Русские постоянно жили в Линданиссе, т. е. Колывани, древнем чудском (эстонском) городе на месте современного Таллина (Ревеля). Линданисса, повидимому, попала и в наш народный сказочный эпос под названием города Леденца. Еще в начале XIII в. в Ревеле был «русский конец» (Вендефер), а папская булла 1234 г. говорит о многочисленности русских в Ревеле.¹

Понадобились десятки, даже сотни лет активной враждебной деятельности немецкой Ганзы, датчан и шведов, а также ливонских рыцарей для того, чтобы вынудить новгородцев прекратить плаванья за море и ожидать «заморских гостей», сидя по своим торговым дворам на берегах Волхова. Но для того, чтобы вырвать Балтийское море у новгородцев, враги Руси потратили много сил, средств и времени. Ожесточенная борьба ганзейских купцов, датчан и шведов с новгородскими купцами за господство на Балтийском море была обусловлена тем страхом, который внушали им новгородские мореходы. Морская мощь Новгорода была столь велика, что Ганза и Готланд, Сигтуна и Або (не случайно носивший финское название Турку, происшедшее от занесенного сюда, в шхеры Западной Финляндии, русского слова «торг») опасались, что не они будут ездить в Новгород, пожиная плоды своих побед и держа в руках торговлю новгородцев с Западом, а сами купцы Господина Великого Новгорода на своих судах будут «жаловать» к ним «гостить», отбивая у них прибыли и прибирая к рукам мореходство и торговлю на Балтике. Победа далась «заморским купцам», «свеям», «доням» и «гътем» нелегко, и борьба растянулась больше, чем на столетие. До полной победы «свеев» и «немцев» новгородцы чувствовали себя на Балтике так же привольно, как ранее их южные сородичи на водах Черного моря.

В руках Новгорода был весь северный отрезок великого водного пути «из варяг в греки», шедший по рекам и озерам Русской земли, а также весь путь по «морю Варяжскому». Центральной и южной частью пути «из варяг в греки» мы занимались в предыдущей главе, а сейчас нам предстоит остановиться на северной его части.

Отчалив от новгородских пристаней, русские суда спускались вниз по течению Волхова. В 12—13 верстах от впадения

¹ Рядом указаний в области истории мореходства Новгорода в XII—XIII вв. я обязан И. П. Шаскольскому, которому и приношу свою благодарность. См. его статью «Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой». «Военно-исторический журнал», № 7, 1940 г.

Волхова в Ладожское озеро стояла Ладога (ныне Старая Ладога)—древнейший русский город на севере, важнейший пункт пути «из варяг в греки» и в давние времена центр политической жизни «Славии». Плыли бурным Ладожским озером (озером Нево) до истоков Невы, а затем, по Неве, выходили в Финский залив.

Далее путь русских кораблей лежал на остров Котлин, где была стоянка русских лоцманов и, очевидно, находилось какое-то поселение. От Котлина поворачивали на юг, шли на запад, держась берега «Чудской земли». В Линданиссе (Кольвани) останавливались и приготавливались к пути через море. Те, кто плыл к «гътему» или в Любек, продолжали идти вдоль берегов и, мимо острова Сарема, уходили на Готланд, в Висби, к очередной стоянке (если плыли в Любек) или конечной цели пути. Направлявшиеся в Швецию, в Сигтуну или в Данию из Кольвани круто поворачивали на север, к берегам Финляндии у Порккала-Удд. Держась вдоль берега, шли на запад, к Або, и, оставив севернее Аландские острова, добирались до Сигтуны. Если Сигтуна не была конечной целью плавания, и нужно было плыть к «доням», то, держась шведского берега, добирались и до Дании.¹

О том, как плавали новгородцы по этому пути, как торговали они по «морю Варяжскому», как воевали они с «ворогом» на море и за морем, мы и попытаемся рассказать, расположив известия в хронологическом порядке.

Первое известие о плавании новгородцев «за море» Новгородская летопись сохранила нам под 1130 г. «В се же лето, идущее из замория с Готь, потопи лодии 7; и сами истопша, и товар, а друзии вылезоша, нъ нази, а из Дони придоша сдорови».² Следовательно, в 1130 г. новгородцы побывали и на Готланде и в Дании, откуда явились «сдорови».

¹ *Scriptores rerum Danicarum*, 1783, т. V, стр. 623.

² Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, стр. 25. Новгородская I летопись (1841, стр. 6) дает такой текст, начиная от слов «а друзии вылезоша, нъ нази» — «а и въ доми придоша сдорови». Этот текст, несомненно, искажен. Летопись повествует о несчастии, которое претерпели новгородцы, возвращавшиеся «с Готъ». Семь лодий потонуло, погибли и люди и товар, а другие спаслись, но «нази», т. е. потеряв все, а дальше следует «а и в доми придоши сдорови». Получается бессмыслица. Не станет же летописец следить за их здоровьем во время пути от места высадки на берег после несчастия и до дома, констатируя, что путь этот они прошли без ущерба для здоровья! Другое дело текст Новгородской летописи по Синодальному Харатейному списку. Отмечая бедствия новгородцев, возвращавшихся «из замория с Готъ», она в то же самое время констатирует, что в отличие от купцов, посетивших Готланд, часть которых погибла, часть испытала бедствия, «из Дони придоша сдорови» («а из Дони придоша сдорови»). Все сообщение летописи приобретает иной характер и смысл и не оставляет места недоуменным вопросам. Светотипическое изда-

Дания была заинтересована в торговле с Новгородом, но отнюдь не хотела открывать новгородским «заморским» купцам, прибывающим на своих кораблях, свои гавани. Это было убыточно и опасно с точки зрения датчан, стремившихся обосноваться на Востоке, что вскоре они и сделали, захватив в начале XIII в. область Ревеля в земле эстов. Датчане опасались пускать в свои воды предприимчивых и искусных новгородских мореходов. Вот почему в 1134 г. «...рубаша Новгородъ за морем в Дони» и «новгородцев порубиша за морем в Дони».¹ В том же году в Дании, вероятнее всего, в Шлезвиге новгородские купцы подверглись аресту.²

Вторично новгородские купцы были арестованы в 1157 г. В этом году датский король Свен IV, взяв Шлезвиг, захватил много русских торговых судов и пленил русских купцов, товары которых немедленно роздал своим войнам.³

Полагаю, что не из одних столкновений такого рода состояли связи Новгорода с Данией. Обычный торг, деловые сношения, носившие нормальный характер, не находят отражения в летописи. Летописец фиксирует чрезвычайные события, выдающиеся явления, чем-то выделяющиеся, достойные быть зафиксированными. Обычные, ничем не примечательные, кончавшиеся благополучно плаванья к «гътем» на Готланд, в Висби или Гарда не привлекали внимания летописца. Указания на такого рода плаванья напрасно искать в летописи, но наличие русских дворов в Висби и Гарда, готского двора в Новгороде, русских церквей, договоров и т. п. говорит о регулярных и постоянных связях Новгорода с Готландом. Летописец записал, как «истопи» свои «лодии» новгородцы, «идуше из замория с Гот», ну а зачем было писать об обыденных, ничем не привлекающих внимания плаваньях на тот же Готланд, когда все в «доми придоша здорови»? То же самое следует сказать и о торговле с Данией и плаваньях новгородцев к «доням».

ние Новгородской летописи по Синодальному Харатейному списку (Синодальный список Новгородской первой летописи принадлежит к старшему изводу), предпринятое в 1875 г. под наблюдением П. И. Савваитова, конечно, не идет ни в какое сравнение с неудачным изданием Новгородской I летописи в 1841 г., где летопись опубликована с пропусками и неточно. — Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 440—444.

¹ Новгородская IV летопись, часть I, вып. 3, список Никольского, стр. 586.

² М. Бережков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879, стр. 77.

³ A. C. Lehnberg. Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands, 1816, стр. 268. — М. Бережков, ук. соч., стр. 77.

Только такая высокоразвитая торговля с Готландом и могла породить два русских поселка — колонии с церквями в городах Готланда; только ею можно объяснить наличие многочисленных русских купцов в Дании, в Шлезвиге.

Конечно, и «гъте» и «дони» делали все, от них зависящее, для того, чтобы заставить новгородцев отказаться от плаваний «за море» и ожидать «заморских» купцов у себя в Новгороде. Конечно, Швеция, Дания, Ганза и Ливонский орден соединенными усилиями добились своего, но не скоро и дорогой ценою. Именно к середине XII в. относится создание в Новгороде организации «купцов заморских», а это говорит за развитие заморской торговли. К этому же времени относится учреждение русских дворов «за морем» и иноземных в Новгороде.

Развитие заморской торговли и привело новгородцев в XII в. не только на Готланд, в Сигтуну и в Данию, но даже в Любек. Из жалованной грамоты императора Фридриха I городу Любеку мы узнаем, что среди купцов, приезжающих в Любек с востока, на первом месте стоят русские.

«Rutheni, Cothi, Normanni et ceterae gentes orientalis absque teloneo et absque hansa ad civitatem saepe dictam (Любек) veniant et libere recedant».¹

И тем не менее, несмотря на наличие нормальных взаимоотношений между Данией и Новгородом, Готландом и Новгородом, взаимоотношений, покоящихся на регулярных торговых связях, стремление изгнать новгородцев из Балтийского моря, вынудить их ограничиться лишь высылкой лоцманов на остров Котлин для помощи иноземным судам, стремление, подкрепленное силой оружия держав, превосходящих своим могуществом одинокий Новгород, было столь сильно, что плавание новгородцев, во всяком случае, в западные воды Балтийского моря прекращаются.

Уже во второй половине XII в. прекратились плавание новгородцев в Данию. Вскоре произошло «размирье» и с Готландом. Как это мы увидим дальше, это «размирье» было обусловлено походом новгородцев и карел на Сигтуну в 1187 г., в результате чего шведская столица и крупнейшая гавань была взята и разорена до основания. Прошло всего-навсего несколько месяцев, и шведы отомстили за разгром своей столицы.

В 1188 г. «...рубаша Новгородьце Варязи, на Гътех Немьце, в Хоружьку и в Новотьрьжце; а на весну не пустиша из Новагорода своих ни одного мужа за море, ни съла вѣдаша

¹ Цит. по М. Бережкову, ук. соч., стр. 78.

Варягом; нъ пустиша я без мира». ¹ Это был полный разрыв. И вполне понятен гнев новгородцев. Но от разрыва отношений, видимо, Готланд страдал больше, чем Новгород. Готланд не хотел видеть у себя русские корабли, но очень нуждался в русских товарах и в купцах, везущих эти товары. Новгородцы же ответили на нападение на своих товарищей разрывом всяких отношений между Новгородом и Готландом.

Вот почему ищут мира «гъте», а не новгородцы. И удается им добиться «милости» Новгорода лишь в 1195 г., когда князь Ярослав Владимирович с посадником Мирошкою и тысяцким Яковом заключают мирный договор «с всеми немьцкыми сыны, с Готы и с всемь латиньскимъ языкомъ» о торговле и «хождении» «без пакости». ² Но и наличие договора не означало еще окончания распри. Весной 1201 г., как сообщает Новгородская первая летопись по Синодальному Харатейному списку, «варягы (так в те времена еще называли жителей Готланда, тогда как обитателей материковой Швеции уже давно называли «свеи». — В. М.) пустиша без мира за море», только «на осень придоша Варязи горою на мир, и даша им мир на всей воли своей». ³

Так как неизвестно, являлся ли договор 1195 г. (датировка, как мы видели, условная) действительно договором, формально принятым и Новгородом и «всеми латиньскимъ языкомъ» (нет указаний ни на целование креста, ни на печати), то возможно, что лишь при заключении мира в 1201 г. «на всей воли» новгородский договор Ярослава Владимировича и посадника Мирошки «с всеми немьцкыми сыны и с Готы» получил характер официального договора. ⁴

Восторжествовали «воля» и «правда» новгородские. Но уже в этом договоре речь идет больше о торговле иноземных купцов в Новгороде, чем об активной торговле новгородских «заморских гостей» на острове Готланде или на материке «латиньских языков». В этой связи получают должное освещение и кровавая, предательская расправа с новгородцами в 1188 г., и сам договор, отражающий стремление «гътов» и «немцев» сохранить свои позиции в Новгороде, но подорвать новгородское мореходство. Почему им это начинает удаваться, вполне понятно. Не надо забывать, что Новгород был один, а на Русской

¹ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, стр. 97.

² М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. 1899, стр. 108—112. Более осторожным было бы датировать этот договор временем между 1189 и 1199 гг.

³ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, стр. 125, 126.

⁴ И. М. Кулишер. История русской торговли. Пгр., 1923, стр. 52, 53

земле уже «сеялась и росла усобица, погибало добро Дажбожьих внуков». Феодалная раздробленность ослабила Русь, как политический организм, и сделала ее врагов более дерзкими и настойчивыми.

Как мы уже указывали выше, плавания новгородцев не ограничивались южной и западной частью Балтийского моря, но охватывали северную и северо-западную его часть. Здесь лежали земли еми (тавастов) и суми (суоми) — финских племен, давших начало суоми-финнам. Земли еми, наиболее многочисленного финского племени, давно находились в орбите влияния Новгорода и уже в самом начале XII в. (по А. А. Шахматову не позже 1113 г., когда составлено знаменитое «Введение» к «Повести временных лет», где среди подвластных Руси племен упоминается явь, т. е. емь) платят дань Новгороду «скорой» («Устав» Святослава Ольговича 1137 г.).¹ Об этом же говорят «Хроника Эрика», («Erikskrönikan»), Якоб Циглер, «Рифмованная Хроника Финляндии» и «Chronicon Finlandiae», повествующие о том, что земля еми от Кюмени и до Хельсинки и севернее ранее входила в состав Руси и здесь господствовала «греческая вера».² Этим, а равно мощным культурным влиянием русских на емь и сумь объясняется наличие в финском языке слов, заимствованных из русского языка и свидетельствующих о том, что с христианством, письменностью, торговлей финнов познакомили русские («апракка» — оброк, дань, «гааматту» — библия, книга, грамота, «risti» — крест, «pappi» — поп, священник, «Турку» (Або) — торг, и др.).

Зависимость еми от Новгорода носила специфический характер. Ни крепостей, ни городов, ни поселков русских в земле еми не было. Новгородцы не навязывали еми (как, впрочем, и другим народам севера) ни своих порядков, ни своих обычаев, ни законов, ни религии. Распространение русского влияния в земле еми было обусловлено преимуществами Новгорода — его значением в экономической, политической и культурной жизни северо-запада, его местом среди земель, прилегающих к Финскому заливу, его более высокой организацией народного хозяйства, социальных отношений, государственного устройства, его более высокой культурой. Не оказывая давления на емь и не опираясь на грубое насилие, а следовательно, слабо пустив корни в почву

¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, П., 1916, стр. XXI. — М. Владимирский-Буданов, ук. соч., стр. 256.

² «Svenska medeltidens rimkrönikor. I. gamla eller Erikskrönikan», Stockholm, 1865. — Jacob Ziegler. Terrae Sanctae, quam Palaestinam vocant, Syriae, Arabiae, Aegypti et Schondiae doctissima descriptio [una] cum singulis tabulis cerundem. Strasburg, 1536, стр. CVI. — Chronicon Finlandiae, Schwedische Bibliothec, т. I, Stockholm, 1728, стр. 97, 113. — Johann Mesenius. Rimkrönika om Finland och der Inbyggare, Helsingfors, 1865, стр. 13.

края тавастов, так как в те далекие времена чаще всего только сила меча феодала и организованного им государства определяла его влияние и прочность владычества в землях с инородным и иноязычным населением, для сохранения своего положения на севере от Финского залива Новгород должен был прибегать к другим средствам.

Одним из таких средств укрепления и распространения русского влияния было включение патриархально-родовой верхушки эми в состав новгородского боярства (Семен Емин). На эту обрусевавшую и обрусевшую племенную знать и опирался в краю «хладных скал и озер» Господин Великий Новгород. Здесь торговали новгородские купцы, здесь в земле суми был основан Турку, город-торжище, сюда плыли новгородские суда и ходили по дань новгородские «мужи».

Еще дальше на северо-запад лежала Швеция. Сюда, в Сигтуну, ходили новгородские суда и постоянно жило немало русских. По водам «моря Варяжского» в стародавние времена установился торг со «свеями». На этих же водах имели место первые вооруженные столкновения между шведами, начавшими в XII в. «крестовый поход» на Восток, в земли суми, эми и на Русь, и новгородцами и их союзниками-карелами. В 1142 г. «приходи Свѣнской князь с епископом в 60 шнек на гость, иже из Заморья шли в 3 лодьях; и бишася, не успеха ничтоже, и отлучиша их 3 лодье, избиша их полутораста».¹

Бой произошел где-то в Финском заливе, недалеко от Новгорода. Это было началом наступления шведов на Восток. В пользу того, что это был не простой налет шведских пиратов на купеческий караван, говорит и многочисленность шведского флота, и участие в походе князя (по некоторым данным, сына короля Сверкераяра Иоанна) и епископа. Это был первый, «крестовый поход» шведов на северный берег Финского залива. Поход не был удачен. Во всяком случае закрепиться на берегу шведам не удалось. Это произошло потому, что на пути шведов стала могучая сила. Силой этой был Новгород. Булла папы Александра III от 9 сентября 1171 г. сообщает, что на область в стране суоми («финнов» собственно), на юго-западе Финляндии, где только что обосновались шведы, сразу же, начиная с 60-х г. XII в. постоянно совершают нападения какие-то вражеские войска.² Нападения эти носят не грабительский, а политический характер и ставят своей целью изгнать шведов из Финляндии и освободить сумь от шведского владычества. Походы эти совершались морем, так как даже эми общалась

¹ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, 44, 45.

² Finlands Medeltidsurkund, t. I, 1910, № 24.

с сумью морем. Хотя они и соседнили на суше, но их разделяла полоса труднопроходимых лесов.

Совершенно очевидно, что походы эти предпринимали новгородцы (эсты и емь отпадают: — у них на это нехватило бы ни сил, ни, главное, организованности) и предпринимали потому, что шведы угрожали новгородскому влиянию в земле еми и укреплялись на важнейшем морском пути, связывающем Новгород с Сигтуной и Готландом. Этот второй фактор даже, повидимому, играл большую роль, чем первый.

Новгородцы избрали правильную тактику. Защищаясь от агрессоров — шведов, они, вместо обороны, сами перешли в наступление. Шведы укреплялись на юго-западе Финляндии, вторгаясь в землю суоми. Но они, угрожая давним данникам Новгорода — еми, готовились двинуться дальше на восток и вырвать тавастов из-под влияния Новгорода. В ответ на это Новгород стремится подчинить себе сумь, распространить свое владычество на земли, подвластные с недавнего времени шведам, и изгнать последних из Финляндии. Шведы пытаются перерезать важнейший торговый путь, связывающий Новгород, — это «окно в Европу» Руси периода феодальной раздробленности, — с Готландом, Данией, Любеком, Сигтуной, стать на дороге русским купцам, плывущим вдоль юго-западного побережья Финляндии. В ответ новгородцы сами вторгаются в пределы захватываемых шведами земель суми.

Обращает на себя внимание то чрезвычайно характерное обстоятельство, что далеко не все эпизоды этой борьбы, упоминаемые в зарубежных источниках или известные нам по более поздним источникам, вспоминающим о них как о чем-то хорошо всем известном, попали на страницы новгородских летописей, и полагаем, что это было обусловлено не только сознательным отношением летописца к этим эпизодам, но и тем, что летопись, очевидно, отмечала лишь те походы, которые предпринимались новгородскими властями. Если же походы, предпринимались частными лицами и, может быть, при этом даже не из Новгорода, а из «пригородов» или Карелии, то они считались своего рода «частными предприятиями» и в летопись не попадали.

В свое время, касаясь русских походов на Восток, на Каспий, мы уже отмечали поразительное игнорирование летописью этих походов, что может быть объяснено невозможностью для летописца уследить за различного рода военными предприятиями, если они не исходили непосредственно от князя и не затевались в княжеских гридницах. Нам известны такого же рода походы и на Черное море в тех же X—XI вв.

Если мы учтем все указанное, то не будет затруднительным объяснить, почему начало борьбы новгородцев и их союзников на северном побережье Финского залива с захватчиками — шве-

дами нашло отражение в шведских и замалчивается в русских источниках.

Но замалчивается лишь до поры до времени. В 1164 г. шведы предприняли поход на Ладогу, каменный город-крепость, охранявший рубежи земли Русской на северо-западе. В этом году «Придоша свье под Ладогу, и пожьгоша ладожане хоромы своя, а сами затворившася в граде с посадником с Нежатою, а по князя послаша и по Новгородце. Они же приступиша под город в субботу, и не успеха ничтоже к граду, нъ большю рану въсприяша; и отступиша в реку Вороной. Пятый же день приспе князь Святослав с Новгородьци и с посадником Захарию, и наворотиша на ня, в месяце мая в 28, на святого Еламия, в четвърк, в час 5 дни; и победиша я Божиею помощью, овы исекоша, а иные изимаша: пришли бо бяху в полушестадысят шнек, изымаша 43 шнек; а мало их убежаша, и ти езьвни».¹

Поход 1164 г. не ставил своей целью завоевание Руси, — с такими силами даже в одной Ладоге невозможно было прочно укрепиться. Это была борьба двух аванпостов — Руси и Швеции. Поход со стороны шведов носил морской характер; русские давали им бой на суше; сперва у стен Ладоги, отбросив их, повидимому, во время вылазки и вынудив отойти к р. Вороньей между Сясью и Пашой, а затем и у Вороньей, где шведы были разгромлены новгородскими войсками князя Святослава Ростиславича и посадника Захарии.

В 1178 г. последовал морской поход союзников и подданных Новгорода карел на шведские владения в Финляндии. «Фрагмент Пальмшёльда» и «Хроника епископов Финляндии» Юстена сообщают о походе куронов на шведские владения в Финляндии и о захвате ими епископа Финляндии Рудольфа.² Полагают, что поход этот не был налетом пиратов, какими считали куронов (куров), а серьезным и сложным военным предприятием, требовавшим значительных сил, и морских, и сухопутных. Поход был предпринят морем и направлен на резиденцию епископа и центр шведских владений в Финляндии той поры — Ноуси. Цели, которые преследовал поход, носили, несомненно, политический характер. Свидетельством этого является захват, увоз, а впоследствии и умерщвление епископа.

Таков был поход 1178 г. Но почему источники приписывают его куронам, обитавшим в южной части Курляндского полуострова и абсолютно не связанным с Финляндией и ни-

¹ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, стр. 64, 65.

² Finlands Medeltidsurkund, т. I, № 29. Juusten M. Pauli. Chronicon Episcoporum Finlandensium annotationibus et apparato monumentorum illustratum. Aboae, 1799, стр. 11.

сколько не заинтересованным в событиях на северном побережье Финского залива? Еще Г. Рейн указал, что в средневековых источниках куронов часто путают с карелами. Так напр. куроны выступают не только под названием «*cirones, choriones, charionones, coeri*», но и «*kyri, curi*», а карелы именуются не только «*zarjali, coreli*», но и точно так же, как и куроны, «*kurii, kyri, kuri*».

В той же хронике, в другом месте, прямо говорится о совместной борьбе русских и куронов со шведами в 1250 г., что явно невозможно, если в куролах усматривать куронов (куров) Прибалтики, завоеванной уже давно Ливонским орденом, и легко может быть объяснимо, если в куролах видеть карел.

Таким образом, куроны, совершившие морской поход на шведские владения в Финляндии в 1178 г., — это карелы, вассалы и союзники Новгорода и враги шведов. Именно им, многочисленному и сильному народу, а отнюдь не куролам, был под силу большой морской поход против шведов, носивший чисто военный, политический характер.

Но наиболее крупным военно-морским предприятием Новгорода был поход 1187 г., результатом которого явилось взятие и разрушение Сигтуны. О значении этого крупнейшего торгового порта и политического центра Швеции в новгородской торговле мы уже в свое время писали. Город, стоявший на старой знакомой морской дороге, город с многочисленным русским населением, хорошо известный новгородцам центр экономической и политической жизни Швеции, Сигтуна очутился под ударом новгородцев.

Поход на Сигтулу был нелегким предприятием. Большой и прекрасно укрепленный высокими стенами и замками-форпостами, а также естественными препятствиями — болотом и скалами, город лежал на самой отдаленной от моря точке побережья озера Мелар, в 30 км от берега моря. Дойти до Сигтуны можно было только хорошо зная фарватер, а взять город — только обладая сильным флотом и многочисленным войском.

Предпринять и успешно закончить такой поход мог только отважный и сильный народ мореходов. Русские источники ничего не говорят о сигтунском походе. Все известия о походе на Сигтулу находятся только в шведских источниках и собраны в «*Scriptores rerum Suecicarum*».¹

Все они говорят в различных вариантах о взятии в 1187 г. язычниками Сигтуны и о разрушении (сожжении) города. Одновременно упоминается о том, что «ими же» («язычниками»)

¹ *Scriptores rerum Suecicarum medii aevi*, Upsala, 1818, т. I, стр. 40, 48, 52, 81; 1871—76, т. III, 2, стр. 99.

убит в Альмарстеке (Альмаруме, Альмариуме) епископ Упсальский Иоанн, а в одном месте мы встречаем известие, что «тогда же построен город Стокгольм» (очевидно, вместо разрушенной Сигтуны). В хронике Эрика (XIV в.) рассказывается, что нападавшие «плыли от моря и вверх в Мелар» и «очень часто совершали здесь грабежи». И вот «однажды у них появилось такое желание, что они сожгли Сигтуну и жгли все настолько до основания, что этот город еще не поднялся».

Хроника Эрика, использовавшая народные предания о сигтунском походе, дожившие не только до времен ее составления (1320—1330 гг.), но и позднее, знает и национальность нападавших. Это были карелы.

Хроника Эрика Олая (середина XV в.) называет участниками похода на Сигтуну русских и карел.

Участие русских в походах на Сигтуну косвенно подтверждается рядом других источников и свидетельств. Так, уже упоминаемая нами выше хроника Эрика начала XIV в., говоря о том, что карелы нападали на Сигтуну и что после похода Биргер построил Стокгольм для того, чтобы не пускать в озеро Мелар карелов, в то же время отмечает, что разрушение Сигтуны «обрадовало землю Карел и Руссов». Конечно, это указание хроники Эрика может быть понято, исходя из естественного отношения Руси, Новгорода к удачному походу его вассалов — карел на Сигтуну, откуда, вероятно, исходила инициатива шведского наступления на восток, в земли суми и еми, угрожавшего и Новгороду, причем сам факт того, что «Руссы» радовались удаче похода, не означает еще необходимого признания активной роли русских в морском предприятии карел.

И тем не менее мы можем утверждать, что поход «язычников» в 1187 г. на Сигтуну был походом, предпринятым одновременно и русскими и карелами.

Вряд ли следует отвергать предположение, что если народные предания, отразившиеся в хрониках, точно указывают на национальную принадлежность нападавших на Сигтуну «язычников», то это еще не означает, что участниками похода 1187 г. были только карелы.

Морские походы карел на Готланд и Швецию в XII в. подтверждаются находкой в Карелии специфической фибулы XII в. с рунической надписью и именами, встречающимися только на Готланде, а так же указанием хроники Эрика на частые набеги карел на Швецию. Но это все были набеги, ставившие своей целью захват добычи и не больше. Постоянных и регулярных связей, в частности, торговых сношений между землей карел и Шведией не было, а между тем только такие прочные и систематические сношения приводят к тому, что обе стороны (или одна из сторон) хорошо узнают друг друга и, прежде всего,

пути, по которым приходится общаться. Регулярно плававшие в Сигтуну и постоянно в ней жившие русские хорошо знали дорогу по морю и озеру Мелар, в глубине шхер которого лежала Сигтуна. Только хорошо зная фарватер и изрезанное фиордами побережье озера Мелар, можно было не только дойти до Сигтуны, но и скрывать свои суда в засаде среди береговых скал, о чем повествует хроника Эрика Олая. Так как карелы на Сигтуну до 1187 г. не нападали и никакой заморской торговли не вели, то естественно, что привести карел в Сигтуну могли только русские мореходы — новгородцы, а это, в свою очередь, предполагает их наличие (и не обязательно только в качестве лоцманов) в том флоте «*paganiſ*» (язычников), который напал на Сигтуну. Именно они, славные и опытные мореходы, хорошо знавшие Сигтуну и фарватер озера Мелар, на берегу которого она лежала, оставившие здесь следы своего пребывания в названиях прибрежных пунктов озера Мелар (бухта *Rus-seviken* и мыс *Ryssenudden*), на своих судах прибыли к Сигтуне и привели с собой карельские суда.

Подтверждением активного участия русских в походе на Сигтуну являются и знаменитые врата Новгородской Софии. Уже в конце XV в. в Швеции, когда народные предания стали связывать разрушение Сигтуны с русскими, возникло и распространилось отражавшее действительное историческое событие предание об увозе русскими городских врат.

В Новгородской святой Софии действительно стоят врата, изготовленные в 50-х г. XII в. в Магдебурге. Эти врата ошибочно названы «Корсунскими», хотя они и изготовлены на Западе, тогда как врата византийской работы, подлинно «корсунские», почему-то носят название «Сигтунских».¹ Врата не могли быть куплены новгородцами, так как скульптуры их не соответствуют понятиям православного духовенства, да и сами католики не стали бы их продавать. При перевозке были утрачены части и нарушен замысел скульптора. На месте, в Новгороде, утраченные части были заменены. Это еще раз говорит за то, что врата попали в Новгород в качестве военной добычи. Кроме Сигтуны из крупных городов новгородцы в XII—XIII—XIV вв. брали с боя Дерпт (Тарту) и Або (Турку), но с этими городами никаких преданий, увязывающих поход русских с захватом городских врат, не связано. Кроме того, в самих т. н. «Корсунских» вратах не трудно установить отпечаток шведского искусства и даже более того, следы культа Сигфрида, особенно почитаемого в Сигтуне. Все это говорит за до-

¹ Поэтому в дальнейшем изложении, говоря о вратах, вывезенных из Сигтуны, мы имеем в виду так называемые «Корсунские» врата.

стоверность шведского предания об увозе русскими городских врат Сигтуны.¹

Если бы поход 1187 г. был совершен только карелами, врата Сигтуны не стояли бы в Новгородской Софии. Итак, поход 1187 г. на Сигтуну был совместным походом русских и карел — вассалов Новгорода.

Результатом похода на Сигтуну и разрушения города были описанные нами уже выше события 1188 г. Когда «...рубоща Новгородѣе Варязи, на Гѣтех Немыѣ, в Хоружьку и в Новотържце; а на весну не пустиша из Новагорода своих одного муж за море, ни съла въдаше Варягом, нѣ пустиша я без мира».

Ответом на разрушение Сигтуны было нападение «варягов» (жителей Готланда) на русских на Готланде. То же самое произошло и в Швеции, так как «Новоторжец» новгородской летописи не что иное, как Nyköping, а «Хоружек» — Thorshälla — гавань в Швеции. «Новоторжец» — это буквальный перевод шведского Nyköping, а «Хоружек» — искаженное Thorshälla.

Вполне понятно, почему ответом шведов на сигтунский поход были репрессии по отношению к русским купцам. Шведы знали, что поход предпринимал Новгород, и считали ответственными за военные предприятия Новгорода мирных новгородских купцов. «Розмирье» Новгорода с Готландом привело к тому, что путь на Готланд был закрыт. Тогда, повидимому, новгородцы нашли прямой путь на Любек и в другие порты южного и западного берега Балтийского моря. Это предположение кажется тем более обоснованным, что иначе нам трудно понять уступчивость Готланда, принявшего все условия Новгорода и заключившего мир «на всей воли» новгородцев. Новгород сумел найти путь к Любеку и другим портам Балтики в обход Готланду, что не могло не ударить по готландским купцам.

Борьба со шведами продолжалась и после сигтунского похода. В 1190 г. «избиша Псковичи Чюдь поморскую, 7 шнек».² Мы не знаем, о какой «чюди» идет речь, но, несомненно, бились псковичи с нею не на суше, а на воде. Новгородская I летопись сообщает: «пришли бо бяху... оболочились около порога в озеро, и удариша на не Пльсковичи и не упустиши ни мужь, а шнеке привезоша Пльскову в город».³

Уже в те времена Псков стал на охране Руси с запада так же, как Новгород оборонял ее с северо-запада.

¹ И. П. Шаскольский. Предание о «Сигтунских вратах» и его достоверность. Ученые записки ЛГУ, № 112, серия исторических наук, вып. 14, Л., 1949.

² Новгородская IV летопись, стр. 17.

³ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, стр. 98, 99.

В 1198 г. новгородцы совершают опустошительный поход на шведские владения в Финляндии, тянувшиеся узкой ленточкой вдоль берегов земли суми. Сведения об этом походе сохранила хроника Юстена и фрагмент Пальмшёльда. Они сообщают, что никаких дел от третьего епископа Финляндии Фольквина не сохранилось, так как все погибло во время опустошения, произведенного русскими, в день Пятидесятницы взявшими и разрушившими Або.¹ Новгородцы морем дошли до района Або, высадились на побережье и, огнем и мечом пройдя вдоль берега, так основательно разгромили шведские колонии, что понадобились десятки лет для того, чтобы восстановить во всей ее прежней силе власть шведов и возродить в земле суми христианство. Булла папы Иннокентия III от 30 октября 1209 г. рисует нам картину жалкого существования разоренных шведских владений в Финляндии и угасания христианства.

На этом заканчиваются морские походы новгородцев на шведов в Финляндию и Швецию. Как правило эти походы предпринимались только частью новгородского общества, исходили из каких-то пунктов необъятной земли Новгорода, частью, повидимому, носили стихийный народный характер и не заслуживали внимания с точки зрения официального летописца, а посему и не попали на страницы летописи. Походы эти порою даже не были, повидимому, известны во всех своих деталях в Новгороде. Во всяком случае официальные власти Новгорода их не предпринимали.

Почему после 1198 г. затихает борьба новгородцев со шведами?

Повидимому, прекращение русского наступления на Финляндию после успешного похода 1198 г. находит объяснение в том, что удары против шведов со стороны Новгорода и карел часто не направлялись каким-либо одним организующим центром. Когда шведы в Финляндии переходили в наступление, усиливался и отпор со стороны русских и карел. Когда же шведы были разбиты и надолго перестали быть серьезной силой — ослабел и отпор со стороны русских и карел. Изгнать шведов из Финляндии могли лишь власти самого Господина Великого Новгорода, но они редко занимались делами суми и еми и, кроме того, в начале XIII в. все их внимание было поглощено усами и борьбой с Ливонскими рыцарями. Вот что дало возможность шведам обосноваться в старинных русских землях в Финляндии.

XIII в. в русской истории — этот период, когда Русь «распадалась на уделы, делилась и подразделялась... была раздираема феодальными войнами и теряла целые области вследствие

¹ Juusten M. Paulus. Chronicon Episcoporum Finlandensium ..., стр. 12.

интервенции соседних народов». ¹ Феодальная раздробленность ослабляла позиции Руси и на северо-западе. Не случайно именно в это время автор «Слова о полку Игореве», как бы предвидя то страшное бедствие, о котором будет говорить «Слово о погибеле Русской земли», тщетно призывал князей русских к объединению.

К. Маркс замечает, говоря о «Слове о полку Игореве»: «Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов». ²

Русь потеряла Тмутаракань и Лукоморье, теряла она и землю сми, северное побережье Финского залива, на которое ранее распространялось новгородское влияние. Причину того, что шведская колония смогла уцелеть, следует искать именно в феодальном раздроблении Русской земли, в княжеских «кóторах», в феодальных войнах, в которые втянули и Господин Великий Новгород. И невольно хочется провести аналогию между той обстановкой, которая сложилась на берегах Финского залива и у входа в Ботнический залив, и той, которая была характерна для Восточной Прибалтики и была определена К. Марксом одной фразой: «Если бы эти племена были единодушны, то христианско-германская скотская культура была бы вышвырнута вон». ³

Мы попытались проследить историю русского мореходства на Черном, Каспийском и Балтийском морях в период феодальной раздробленности до установления татарского ига. Теперь нам предстоит остановиться на проблеме освоения русскими мореходами северных морей и, в первую очередь, Белого моря.

Задача предстоит трудная, так как в источниках Белое море предстает как уже давно и прочно освоенное суровыми и предприимчивыми русскими людьми, но когда начался этот процесс освоения, когда впервые русские суда были спущены на воды Белого моря, кто были те русские, которые первыми не побоялись холодной беломорской волны, когда и откуда они пришли сюда, к берегам Студеного моря, — все эти вопросы, к сожалению, не освещены в письменных источниках. Приходится пользоваться всякого рода косвенными данными и, идя вспять от XIV или, в лучшем случае, от XIII в., попытаться восстановить позабытую картину русского севера XI—XII вв., т. е. тех времен, когда север Восточной Европы заселялся и осваивался русскими людьми, становился подлинно русским.

¹ К. Маркс. Secret diplomatic history of the eighteenth century 1899, гл. V.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 122.

³ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 341.

Русского человека на далекий север к берегам Белого моря, на далекие Печору и Тре, в землю Югорскую привело то же самое стремление к освоению богатых пушным зверем и рыбой, птицей и морским зверем лесов, рек и морей, та же самая жажда промысловой деятельности, та же самая, характерная для русских людей, предприимчивость, которая привела правнуков беломорских поморов казаков-землепроходцев XVI—XVII вв. на Камчатку и Колыму, на берега Иртыша и Амура, к Охотскому и Берингову морям.

«Неродимая земля» северных и восточных окраин новгородских пятин вынуждала новгородцев стремиться к рекам, изобилующим рыбой, к лесам, где пушной зверь не редкость, а постоянный обитатель, к морям, богатым и рыбой и морским зверем. Всем этим были богаты далекие «земли» новгородские, «волости», лежащие на крайнем севере, земли подлинных и потенциальных данников Новгорода, малочисленных и слабых северных народов: лопи (саамов), чуди заволоцкой (коми-зырян), югры (хантов и маньси, остяков и вогулов), самояди (ненцев). Сюда на Север шли простые люди, «меньшие», спасаясь от эксплуатации бояр; стремились и боярство для того, чтобы начать эксплуатацию русского и нерусского населения Поморья, Подвинья, Приуралья.

«Повесть временных лет» под 1096 г. помещает замечательный рассказ новгородца Гюряты Роговича: «яко послах отрок свой в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду; и пришедшу отроку моему к ним, а оттуду иде в Югру, Югра же людье есть язык нем, и соседять с самоядью на полуношних странах. Югра же рекоша отроку моему: „дивьно мы находим чюдо, егоже несмы слышали прежде сих лет, се же третье лето поча быти; суть горы заидуче в луку моря, имже высота ако до небесе, и в горах тех кличъ велик и говор, и секуть гору, хотяще высечися: и в горе той просечено оконце мало, и туде молвять, и есть не разумети языку их, но кажють на железо, и помавають рукою, просяще железа и аще кто даст им ножь ли, ли секиру, и они дають скорою противу. Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом, тем же не доходим их всегда; есть же и подаль на полуношии“». ¹

В рассказе Гюряты Роговича мы находим указание и на народы, населяющие страны «полуношные», и на немую меновую торговлю, и на пределы новгородских владений.

Печора, Югра, горы до Лукоморья (в которых не трудно усмотреть Уральские горы, или, по-новгородски «Камень»), а быть может и Обь — таковы географические познания новго-

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 226, 227.

родцев конца XI в.¹ Это первое засвидетельствованное источниками указание на то, что новгородцам в XI в. были известны не только страны, но и моря «полуножные».

Богатый пушшиной Север манил к себе предприимчивого новгородца. В родных краях, где были только «лоскуты орамой земли», жилось трудно. Север был суров, но о его богатствах давно уже ходили легенды. Новгородцы передавали из уст в уста старинное предание, пришедшее из далеких северных земель, о том, как старики, ходившие за Югрой и Самоядь, рассказывали, что видели в странах «полуножных» удивительные чудеса — с неба спускается туча, из нее падают маленькие белки, растут и, выросши, разбегаются по земле. Спускается еще и другая туча, откуда падают маленькие олени и тоже, выросши, расходятся по земле.

Рассказ этот в летописи помещен под 1114 г., но ссылка на стариков, ездивших в Югру и Самоядь, свидетельствует о том, что путь на Север новгородцы проложили давно, задолго до XII в.² Во всяком случае он был хорошо известен уже давным-давно ладожанам, жителям Ладоги (ныне Старой Ладоги), этого русского форпоста на северо-западе и севере, средостения многих путей, на авторитет которых и ссылается летописец, приводя свой рассказ о пушном Эльдорадо на далеком Севере, в землях югры и самоеди.

«...Сему же ми есть послух посадник Павел Ладожкый и вси ладожане».

На далекий, суровый и холодный негостеприимный Север уходившие со своих «неродимых» земель предприимчивые новгородцы проникали разными путями. Шли Свирью на Онежское озеро, и далее, через реку Водлу, на Онегу, а оттуда прямо к морю или через реку Емцу на Северную Двину. Шли и через реку Вытегру к озеру Лаче, а оттуда речками и волоками попадали в море или на Двину. Уходили к морю и через северный берег Онежского озера на реку Выг, Суму и Нюхчу прямо к берегам Онежской губы. Шли от Корелы в «дикую лопь», а оттуда через Карелию к Белому морю.

Шли в дремучую северную тайгу, в тундру, в край зимней ночи и летнего дня, к берегам Студеного моря, шли за рыбой и мехами, морским зверем и солью.

Из каких социальных слоев выходили и что представляли собой эти первые русские поселенцы на Севере? Среди новгородцев, осваивавших Север, были и боярские холопы, и монахи, и свободные поселенцы — крестьяне. Именно эти последние, охотники, рыбаки, зверобой, солевары, «складывавшиеся»

¹ М. С. Боднарский. Очерки по истории русского землеведения. М.-Л., 1947, т. I, стр. 19.

² Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 199—200.

в «дружины», осваивавшие своим трудом землю и воды Севера, положили начало смелым и стойким поморам.

Когда же русские обосновались на берегах Северной Двины и Белого моря? Имеются в виду не походы и поездки торговых людей, не сборы дани, а именно постоянные поселения русских промысловых людей.

Повидимому, появление постоянных поселений русских поморов-промысловиков относится к тому же XI в., точнее ко времени не позже XI в., что и рассказы Гюраты Роговича и поездки новгородских «мужей старых» «за Югру и Самоедь», в «полунощные страны».

Устав новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. упоминает Иван-погост, который со временем вошел в состав Холмогоров под названием Ивановского посада. Устав 1137 г. упоминает также расположенные у Холмогор Пинегу, Кегрелу, Ракулу, Емцу (устье), Вагу (устье).¹ Таким образом Холмогоры и их окрестности явились древнейшим новгородским поселением на Двине, в Поморье. Сами Холмогоры выросли на месте древнего «чудского» поселения, поселения коми, о котором говорят скандинавские саги начала XI в.²

Топонимика этого края древних биармийцев в районе Холмогор (Ухт-остров, Наль-остров, Кур-остров) говорит о том, что, как и везде на Севере, русские поселенцы мирно селились рядом с аборигенами, передавая им свою более высокую культуру; и либо подвергали их своему культурному влиянию, либо вовсе растворяли их в своей этнической среде. Поэтому трудно сказать, когда кончается мореходство зверобоев Севера, поклонявшихся Иомале (Юмале), о чем говорит норвежец Отер, информатор англо-саксонского короля Альфреда Великого, сага о Торрере Собаке и другие исландские саги, так красочно повествующие о сказочно-богатой Биармии, и когда начинается мореходство русских — христиан. Повидимому, одно вырастало из другого и покрывало собой это первое, древнейшее, архаичное и примитивное.

Так шел на Север русский люд из земель новгородских. Но существовал и другой путь, по которому русские люди проникали на Север. Речь идет о колонизационном потоке, устремлявшемся на Север из междуречья Волги и Оки, из земель Владимиро-Суздальских и Белозерских. Уже в самом начале XIII в., а быть может, и несколько ранее, на Севере появляются владения великих князей Владимирских. Из грамоты

¹ М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. 1899, вып. 1, стр. 255, 256.

² С. Ф. Платонов. Очерки по истории колонизации Севера, вып. 1, 1922, стр. 32; его же. Прошлое русского Севера. 1923, стр. 14, 15 и др.

великого князя Андрея Александровича известно, что великий князь посылал «на море» свои «ватаги» для поимки ловчих птиц, «ходил» «на Терскую сторону». По аналогии с грамотой Ивана Калиты, можно предположить, что речь идет о «Печорской стороне» и «Зимнем берегу» Белого моря, где истаристояли ловческие заимки князей северо-восточной Руси.

Андрей Александрович указывает, что это право на «места» на далеком Севере «пошло при моем отце и при моем брате». ¹

Грамота Андрея Александровича (1294—1304 гг.) является ценнейшим источником, свидетельствующим о том, что русская колонизация Севера имела своим исходным пунктом не только Новгород, но и Суздальскую землю.

Различное происхождение русского населения Подвинья и Поморья нашло отражение в северо-русских диалектах. Цокающие говоры русского Севера — остатки речи новгородцев, колонизовавших край, а нецокающие говоры, распространенные по Шексне, в Белозерье и на Онеге, являются рудиментами речи русских поселенцев, переселившихся из Ростово-Суздальской земли. ² Итак, не может быть сомнений в том, что в XI—XII вв. освоение русскими Севера и, в частности, берегов Белого моря, достигло значительных успехов. Выход русских промысловых людей на морское побережье не мог не сделать их поморами. Бойкий торг продуктами северного морского зверобойного промысла, столь характерный для Новгорода того времени, в первую очередь, свидетельствует о том, что новгородцы не побоялись на своих утлых суденышках устремиться по холодным волнам Белого моря далеко на север.

Более того, русские поморы уже в те времена постоянно и регулярно, повидимому, ежегодно пересекали Белое море с юга на север и с севера на юг. На Двину, в Заволочье, на берега Белого моря новгородцы ходили каждый год. Эти малые, неофициальные походы в летопись не попадали. Они были обычны, о них не стоило писать, детали их ускользали от летописцев, не подвергались и не подлежали контролю со стороны новгородских властей. Поэтому о них мы почти ничего не знаем, а два-три факта, попавшие в летопись, не дают полного представления о колонизации Севера. Но если учесть, что в XIV—XV вв., когда освоение русскими Севера достаточно подробно отразилось в источниках, Север был уже густо заселен и стал, так сказать, своим, русским, привычным, исхоженным и изъезженным, знакомым и дорогим сердцу, то есте-

¹ Акты Археографической экспедиции. 1836, т. I, № 1, 2, 3, стр. 1, 2.

² В. Г. Орлова. Цоканье в русских говорах. Ученые записки МГУ, вып. 128, Труды кафедры русского языка, кн. I.

ственно, начало процесса освоения Поморья следует отнести к гораздо более раннему периоду времени, что мы и сделали, опираясь на немногочисленные свидетельства источников и некоторые косвенные сведения.

С южного берега Белого моря новгородцы проникли и на северное его побережье. Кольский полуостров был освоен выходцами из Заволочья. К XIII в. уже вся земля саамов была обложена данью в пользу новгородцев, и русские владения по побережью Баренцова моря тянулись в те времена гораздо дальше на запад, чем во времена последующие. Следовательно, уже тогда русские суда бороздили воды и Белого и Баренцова морей.

Подводя итоги всему сказанному о русском мореходстве в период феодальной раздробленности до установления татарского ига, мы опровергаем обычное представление о том, что после знаменитых морских походов первых киевских князей южные моря (Черное, Азовское, Каспийское) перестают интересовать русских и становятся недоступными, отрезанные от Руси половецкой степью, и единственной активной морской силой на Руси остается Новгород.

Период феодальной раздробленности отнюдь не характеризуется прекращением активности русских на морях, и Новгород отнюдь не является исключением в этой области. Меняется только характер мореходства, характер морских походов, пути русских мореплавателей. Тяга к морю, воплощенная в конкретных делах, в русском народе отнюдь не умирает, а продолжает жить, сохраняется под пеплом татарского пожарища, и во времена казачьих походов она, как искра, начнет разгораться в пламя.

352730

В. В. МАВРОДИН

НАЧАЛО
МОРЕХОДСТВА
НА РУСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА
1949